

Для многих россиян зажигательная и по-детски не-последственная Верка Сердючка стала сегодня таким же символом современной Украины, как горилка, сапо и наваристый борщ. Но колоритная фактурная дама — это одно. А актер Андрей Данилко — совсем другое. Многие искренне удивятся, узнав, что эта звезда эстрады вне сцены очень скромный, рассудительный и хорошо воспитанный молодой человек, напроць лишенный звездной пыли. В интервью обозревателю «Известий» Анне АМЕЛЬКИНОЙ Андрей ДАНИЛКО рассказывает о тяготах жизни эстрадной звезды.

Андрей любит серьезные книги и хорошие фильмы известных режиссеров. Не не любит, когда его сотый раз спрашивают, из чего сделан пышный бюст Верки Сердючки, откуда взялась сама фамилия его неутомимой героини, и теряется, когда его спрашивают, выйдет ли когда-нибудь Сердючка замуж. Авторитетно заявляет: день рождения Верки Сердючки 8 марта, а не 1 апреля. И — точка.

«Я не баловень судьбы»

— Андрей, как-то ты сказал, что тебя в России знают мало. А чего такого о тебе здесь не знают?

— Например, многие до недавних пор не знали, что Сердючка — певица. Кто-то ограничивает мое творчество только «кряками» Сердючки, а когда приходят ко мне на концерт, с удивлением узнают, что Сердючка — далеко не все, на что я способен. Есть у меня и серьезные монологи, на которых люди могут заплакать не от смеха, а от грусти, например. Многие не знают, что на Украине многие меня не любят, что я не такой баловень судьбы, как это может показаться на первый взгляд.

Раньше, еще будучи ведущим известного «СВ-шоу», Андрей утверждал, что большинство попсовых звезд — существа ненатуральные. Сейчас Данилко — сам звезда. Он выходит из одного подъезда гостиницы «Россия», садится в пафосный серебристый «Мерседес» и... доезжает в нем ровно до соседнего подъезда, сопровождаемый свитой из охранников, директоров и мальчиков-девочек в черных одедах с надписью «Театр Данилко» на спине. Естественно, поп-небосклон стал для него ближе и понятнее.

— Что такое, по-твоему, настоящая звезда?

— Это человек, который может сделать то, чего не умеют другие. У которого есть свой почерк. И этим отличается. Вот посмотрите, сколько у нас сейчас на эстраде развелось всяких групп! Этих девочек в лицо запомнить нельзя. То, что они поют, не подается пониманию нормального человека. А их почему-то зовут звездами. Звезда не тот, на кого билеты дорогие, а тот, на кого люди идут.

— А ты — звезда?

— Не знаю. Но залы у меня полные... даже при таких дорогих билетах, как в Москве.

...Может, конечно, Андрей из скромности своей звездностью не бравурит. Зато это с усердием подчеркивает его близкое окружение. «Сегодня Андрей интервью не дает! Он не любит вопросов о семье! Он не фотографируется! Мы отказали двадцати газетам и тридцати журналам!» — заученно твердят его директора-администраторы. Образ капризной звезды, нарочито (и непонятно для чего) создаваемый ими, рассыпается мгновенно при встрече с самим актером. У Данилко, как у всех великих лицедеев, грустные глаза. Очевидно, часы и целые дни, проведенные на сцене в зажигательных плясках, достаются ему весьма тяжелым трудом. Встретив этого хрупкого молодого человека на улице, фанатики вряд ли бы признали в нем разбитую Сердючку. Андрей и рад: хоть когда-то Верка должна жить своей жизнью, а он — своей. Для меня так и осталось загадкой, как этот спокойный парень может изображать на сцене даму столь ураганного темперамента.

Отработать концерт на Украине — все равно что кровь сдать

— Где тебе труднее работает: здесь или на Украине?

— В Киеве. Там многие зрители относятся ко мне с ревностью. Им казалось, что это нереально — сломать стену в России. Одно дело — быть популярным на Украине. Совсем другое — стать популярным здесь. Поэтому ревнуют. На концертах в Киеве я чувствую себя очень неудобно, дискомфортно. Первые ряды смотрят на тебя как на двошника, вызванного на подсчет. В глазах у них: «Ну-ну, ты покораешься перед нами, бисер помечи, а мы посмотрим, хлопать тебе или нет!» Это уже не концерт, а сдача крови натуральная.

— А как к твоему творчеству относятся украинские националисты?

— Они меня ненавидят. За то, очевидно, что перед «москлями» выступаю и популярен здесь. Недавно они прямо перед концертом устроили митинг против Сердючки. Во Львове даже листовки «антиданилковского» содержания напечатали. Оскорбить старались. Дешевый прием! А недавно на нашем телевидении даже передачу организовали на тему: «Сердючка — позор Украины или ее гордость?» У этой программы рейтинг зашкаливал. Вся Украина к телевизорам прилипла.

— И к какому выводу пришла общественность?

— Один патристичный мастер разговорного жанра осуждал меня за то, что я говорю на суржике (смесь украинского и русского языков). — «Известия». Других аргументов «против» не нашлось. Так что надеюсь, что я уж точно — не позор. Поэтому на Украине я стараюсь выступать меньше. Не хочется быть все время в роли экзаменуемого мальчишки.

Лже-Сердючки как нарушители конвенции

— Андрей, я не без удивления узнала, что на Украине полно псевдо-Сердючек, которые эксплуатируют светлый образ Верки, зарабатывают немалые деньги. Получается, что тебя довольно легко повторить?

— Пропеть хриплым голосом под гитару — не значит стать Высоцким. Нести пошлость со сцены в женском платье — не значит стать Сердючкой. На рынке продаются джинсы, очень похожие на Версаче. Но это не Версаче. Видел я пару раз этих «Сердючек». Эти люди не чувствуют меры, неправильно трактуют образ Сердючки. Мне хотелось подойти и чем-то тяжелым бахнуть им по голове. С одним таким деятелем я сужусь. Потому что он просто меня позорит. Он так жил с образом Сердючки, что ходит, ряженный, по улицам. Разговаривает ее голосом, интервью раздает. Были неприятные случаи, когда мне приходилось оправдываться за эту самостоятельность перед уважаемыми людьми. Однажды меня представляли президенту одного банка. Я протягиваю ему руку, а он отворачивается: «Помню-помню вас. Вы у нас на вечеринке выступали... Танцевали на столе!» Показал мне фотографию: тетка какая-то на столе пляшет... с небритыми ногами. Всем хочется на Сердючке заработать, а виноват получаюсь я. Чего только я о Сердючке не узнал: и что на сцене она матерится, и что поет кое-как. Своей репутацией я дорожу. Сердючкиной, кстати, тоже... Поэтому и приходится судиться. Моя Сердючка идет по грани, по лезвию бритвы. Чуть отклонился — уже впал в пошлость. Настоящая Сердючка милая, чуть сумасшедшая. И вообще... она — собака.

— Это как?

— В хорошем смысле. Когда собака на сцене, на нее нельзя не смотреть. Ее действия нельзя предсказать. Так и с Сердючкой. Я и сам не могу часто предсказать, что с ней будет в следующий момент.

«Юмор ниже пояса меня не интересует»

— В любом случае Сердючка — это не сексуальный образ. Это карнавал, праздник. А откуда ты так хорошо знаешь женщин, их повадки, реакции?

— Работа над Сердючкой не имеет к знанию женщин никакого отношения. Сердючка — позитивный характер. Это для меня главное. Ее образ должен культивировать в людях оптимизм. Кто-то, возможно, назовет такую работу легким жанром. А вот вы пойдите и сделайте, посмотрим, как у вас получится. Вот я только что смотрел, как в телевизоре Артемий Троицкий с юмористом Владимиром Вишневым о юморе беседовали. Вяло беседовали. Всех ругали. Я с трепетом ждал, когда до меня доберутся. Но — обошлось. Общая тема разговора: с юмором у нас все плохо. Ну как можно вообще юмор обсуждать? Его делать надо, а не теории вокруг разводить.

— А ты над каким юмором смеешься?

— Над «Аншлагом»...

— ???

— Я буквально ржу над глупостью этой передачи, тунизной ее реприз. Я ржу над тем, как сами участники «Аншлага» друг друга подхваливают, и каждый считает себя гением. Юмор ниже пояса меня не интересует.

— Ты знаешь, что твои поклонники открывают сайты о тебе в интернете, тексты твои печатают?

— Мне это не очень нравится. Мои тексты читать неинтересно. Их нужно слушать. Тут многое держится на интонации.

— С кем бы ты хотел выступить дуэтом? Дуэты нынче в моде...

— Я бы с удовольствием поработал с Гальцевым. Он очень смешной. И в «Городок» бы съездил к Стоянову и Олейникову.

Гонорар за концерт — канистра бензина

Жизнь Андрея — хрестоматийный пример превращения Золушки в принцессу. Жил-был в Полтаве простой мальчишка из не очень состоятельной, и тем более не очень благополучной, семьи. Была коммунальная квартира, тараканы на кухне, разбитные соседи, любившие по праздникам весело и громко гулянуть. Первая попытка поступить в музыкальное училище окончилась провалом... Как, впрочем, и вторая. Диплом продавац продовольственных товаров, и наконец цирковое училище, которое замкнутому мальчишке Данилко закончить было не суждено. А потом — оглушительный успех. Сначала в Полтаве, потом в Киеве.

— Тебя действительно никто не раскручивал, не помогал?

— Никто. Были в моей жизни не очень светлые дни, когда выступать приходилось за гроши. Я с концертов бутерброды ребятам приносил. Один раз за концерт мне канистру бензина дали. Я не знал, куда ее деть, в ту пору о машине я и мечтать не смел, кроме велосипеда у меня другого транспорта не было. А вообще мне просто повезло: в обществе появилась потребность в таком живом, непосредственном персонаже, травести. Я его придумал. Просто попал в струю.

— А как ты относишься к разговорам о некой Сердючкиной «голубизне»?

— Я к этому привык и внимания уже не обращаю. Хотя... вот странно: в свое время блистали на сцене два забавных персонажа — Маврикиевна и Никитична. И никому в голову не приходило обвинять известных актеров в педерастии или называть их трансвеститами.

«Сердючка не помрз»

— Как ты переживал свою популярность?

— Тяжело. Когда я еще жил в общежитии, концерты у меня были по несколько раз в день, как киносеансы. Я выходил на сцену, а в зале уже стоял дикий ор. Я по пять минут выступление начать не мог. В ту пору я длительное время находился в состоянии испуга. Особенно холодило душу, когда толпа, словно снежная лавина, начинала катиться на меня с трибун. Охранников тогда еще не было. Приходилось спасаться бегством. Как-то сумасшедшие тетки!

— Как думаешь, сколько лет Сердючка еще продержится на сцене?

— «Великие» украинские юмористы пророчат ей смерть каждые два года. Прогнозы не сбываются. Они злятся. Сердючка не помрз, пока она мне будет интересна, пока я могу ее развивать. А ресурс у нее еще есть. Она, например, может петь с симфоническим оркестром, в большом театре, исполнять тяжелый рок. Скажете, абсурд? А почему бы не попробовать? Сердючке всего четырнадцать лет. Детский возраст. Вот, например, не так давно менеджеры меня предостерегали: пусть Сердючка делает, что хочет, только не поет. Я отрезал: «Разберусь сам!» В результате получился самый продаваемый в стране альбом.

— Какую страну ты имеешь в виду?

— Нашу, Советский Союз.

— Чего боишься больше всего?

— Боюсь надоесть. Не хочу, чтобы Сердючка «сидела» на каждой кнопке телевизионного пульта. Мало того что пираты так ее растиражировали, что из каждой десятки кассет одна — «законная». Если бы с каждой пиратской кассеты я получал хотя бы центов пять, мог бы уже до конца своей жизни не работать.

«Я вынес испытание медными трубами»

— За что тебя выгнали из циркового училища?

— Я сам оттуда ушел! В этом училище невозможно было находиться по одной простой причине: там учили бредятине. Их весьма устаревшая теория расходилась с моей практикой. Я спорил с преподавателями, говорил: вы неправду говорите, сейчас ТАК не играют. Это вызывало их справедливое возмущение. Но, несмотря ни на что, я это училище люблю, а оно меня — нет. Когда я в последний раз там выступал, ребята, студенты, смотрели на меня не с теплотой, а с завистью.

— А ты бы чихал на это...

— Легко сказать. Не получается. Я, конечно, всем и каждому могу сказать: мне, мол, это до лампочки. Но это будет неправдой. Я даже на всякие гнусные статьи о себе закрыть глаза не могу. Обязательно прочту и обязательно расстроюсь.

— Это правда, что твои близкие... не были в восторге от образа Сердючки?

— Господи! Чего только про меня не наводят! Не все. Например, мама и сестра к Сердючке относятся сносно. Особенно их мнение о ней изменилось, когда Сердючка стала приносить доход. Но есть и другие близкие, которые тяжело перенесли мою популярность. Многие перестали звонить, хотя я их ничем не обижал. Может, это и к лучшему. Люди проверяются не только бедой, но и медными трубами. Я это испытание вынес.

— А часто ты бываешь в Полтаве, на своей родине?

— Уж лет пять не был. И не тянет. Не любят там меня. Смотрят зло, завидуют. Я не люблю ходить там по улицам: боюсь встретить одноклассников. Все они какие-то постаревшие, нестроенные, успели не по разу жениться, развестись. В нашей стране не умеют радоваться чужому успеху. Я к этому трепетно отношусь. Был со мной случай. Пришлось мне приехать в Полтаву на похороны своего товарища. Представляет, что такое украинское застолье? Но я все время был там как под прицелом, меня словно рентгеном просвечивали изучающие такие взгляды. Я, сколько ни пил, опять-таки не мог, настолько был в напряжении. И «отрубился», когда уже сел в машину. Вслед бросили: «Вот какой крутой, на машине приехал!» А на чем, спрашивается, я должен был приехать? На велосипеде? Оправдываться перед земляками не хочу. Да и не в чем. Поэтому скоро в Полтаве не появлюсь.

Быть шутом — дело ответственное...

— Для какого зрителя ты работаешь? В жизни ты один, на сцене — совсем другой. Может, ты недооцениваешь своего зрителя?

— Зрителей своих я люблю. Все они делятся на две категории: те, кто любит Сердючку, и те, кто скрывает свою любовь. Мои зрители — это такой семейный коллектив, те, кто чувствует жизнь, как чувствую ее я...

Можно, конечно, долго рассуждать о попсовости и некой маргинальности образа Сердючки. Но... против фактов не попрешь. Обычно самые крутые наши звезды, выступая в Америке, в каждом крупном городе дают по три концерта. В зале «Миллениум» в Нью-Йорке вместо двух обычных концертов Данилко дал шесть. На каждом — аншлаг. Говорят, узнав о таком Данилкином успехе, один известный поп-авторитет буквально рвал на себе волосы, называя Сердючку «хохляцкой мордой». Ну не везет в последнее время бедной Сердючке: на Украине ей достается за излишнюю прорускость, в России — за украинскую прворность.

— При дворах шутам прощается многое. Как к тебе относятся киевские вельможи?

— Шутовскую возможность указать им на их «проколы» я использую всегда. За это однажды удостоился титула «идиотская Сердючка». Но чиновники тоже разные бывают. Есть такие, которым просто по статусу не положено меня любить. Верх их притязаний — хор «Калына». Они будут сидеть в первых рядах, хлопать, мирно спать, падая с кресел.

— Часто к тебе обычные обездоленные граждане обращаются за помощью. Я знаю, ты помог одному спортсмену, дал денег на операцию...

— Только об этом писать не надо. Интересен другой случай. Получаю письмо от одной несчастной гражданки. Просит на лечение три тысячи гривен. Я так проникся эти криком души, попросил своих сотрудников проверить, так ли у нее все на самом деле плохо. Оказалось, что это — весьма обеспеченная дама. Работает на киевском главпочтамте, а деньги просит у всех знаменитостей. Просто так. Из спортивного интереса...

— Откуда у тебя, жителя украинской провинции, такая грамотная речь?

— Это благодаря вам, журналистам. Было время, когда я очень стеснялся разговаривать. Но пришлось научиться. Интервью воспитывают дисциплину. И всякий раз, когда меня тянет сказать «що» или «шо», я делаю вид, что очень задумался, сбился, что у меня зачесался нос, прикрываю рот, а потом четко произношу «что». Короче — работаю над собой...

Андрей ДАНИЛКО, актер:

Настоящая Сердючка милая, чуть сумасшедшая. И вообще... она — собака

Сердючка. Многоликая и непредсказуемая

306